

33. Государственный флаг РСФСР 1920 г. просуществовал до утверждения новой Конституции РСФСР 21 января 1937 г., когда на флаге РСФСР славянская вязь была заменена строгим современным шрифтом и с крыжа убран золотой кант. Известный же государственный флаг РСФСР, действовавший до 1991 г., — красное прямоугольное полотнище со светло-синей вертикальной полосой у древка, а также золотыми пятиконечной звездой и перекрещенными серпом и молотом в крыже, был утвержден Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 9 января 1954 г.
34. РСФСР. Пятый созыв ВЦИК. Стенографический отчет. М., 1919. С. 119.
35. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. №69. Ст. 742.
36. Там же.
37. *Куценко А.Н., Смирнов Ю.Д.* Ордена советских республик. Донецк, 1996. С. 24.
38. РСФСР. Пятый созыв ВЦИК. Стенографический отчет... С. 226.

К.А. Пахалюк

Делегитимация царской власти: идеологическое измерение (1914–1917 гг.)

Начало Первой мировой войны было встречено небывалым патриотическим подъемом: царскому правительству обществом и народом был выдан огромный кредит доверия, который, однако, оказался растрачен весьма быстро. Уже через два с половиной года практически все общество отвернулось от императора, а народ не выступил в его поддержку¹.

Об экономических, военных, социальных и политических причинах Февральской революции существует объемная историография, которую нет смысла пересказывать в данном докладе². Важнее обратить внимание на символическое (идеологическое) пространство

российского общества, в котором как раз и происходит борьба (и закрепление) интерпретаций текущих событий. Императорская власть не смогла предложить и актуализировать ту концептуальную картину мира и те смыслы, которые бы задали такие рамки интерпретации происходящего, которые убедили бы широкую общественность в необходимости сохранения сложившегося порядка вещей (по крайней мере, политической системы). На это должна быть направлена *идеологическая политика* (в идеале сопровождающаяся эффективным институциональным контролем над публичной сферой), которая в военные годы нераздельно связана с *пропагандой* (мобилизация населения и создание устойчивых смыслов ведения войны).

Стоит указать всего на пять групп ошибок в области направленной на закрепление определенной картины мира идеологической политики, которые способствовали потере доверия к правительству и подрыву легитимности императорской власти. Конечно, процесс делегитимации начался еще ранее, однако именно в годы Первой мировой он значительно ускорился. Свойственное же российской политической культуре конспирологическое восприятие политики (приписывание неудач действиям внутренних предателей³, ориентация на поиск врага, а также персонализация власти) снижало эффективность действий власти в этом направлении и усугубляло просчеты. Все эти просчеты связаны с интерпретацией наиболее важных аспектов социально-политических процессов того времени: внешняя политика, ход боевых действий, образ врага, последствия войны и образ императора. Постараемся кратко рассмотреть их.

Во-первых, хотя официально провозглашалось, что Россия является ключевым участником войны и ведет борьбу исключительно за собственные интересы, пропаганда и печать военного времени немало внимания уделяли действиям союзников, а также идеям общеславянского единства. Причем основным было перенесение повседневных идеалов дружбы на внешнеполитическую реальность (концептуальная метафора *государство есть человек*, определившая другую метафору *союзники есть друзья*, а *славяне есть братья*)⁴, которая объективно строится на иных принципах. Расхождение между идеалом и реальностью спровоцировало недоверчивое и во многом враждебное отношение к нашим англо-французским союзникам, которых стали обвинять

в предательстве. Отсутствие успехов на Западном фронте, его кажущаяся пассивность давали почву для подобных настроений. Так, провальная операция в Восточной Пруссии нередко преподносилась как «набег», осуществленный для оказания помощи союзникам: «Набег этот был вызван желанием отвлечь часть немецких войск с французского фронта и облегчить нашим верным союзникам борьбу с немцами... Этот замысел блестяще удался»⁵. Как вспоминал эмигрант К. Семчевский: «Мы, бывшие в Восточной Пруссии в Первой армии Ренненкампа, знали о неудаче, постигшей армию Самсонова, но о размерах ее узнали лишь позже. Знали мы, что поспешное вторжение в Восточную Пруссию не закончивших мобилизацию частей было необходимо из-за катастрофы на французском фронте. Никакого упадка духа в нашей первой армии это не вызывало»⁶. Однако в результате, безусловно, все ожидали подобной — жертвенной — взаимности в том же 1915 г. Подобное отношение было выражено в дневниках французского посла в России М. Палеолога (запись от 28 февраля 1916 г.): «В течение последних месяцев у русских замечается стремление преуменьшать значение военного содействия Франции. Несмотря на все наши усилия, путем газет, докладов и кинематографических лент, доказать интенсивность борьбы на Западном фронте, здесь ее недооценивают»⁷.

Подобная концептуализация внешней политики в терминах метафоры межличностных отношений дискредитировала внешнюю политику. Как справедливо писал генерал Н.Н. Головин, «в толще армии и в глубинах народа широко всходила мысль, что будто бы война нам была ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию. Автору часто приходилось слышать начиная с зимы 1915–1916 гг. циркулировавшую среди солдатской массы фразу: “Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата”»⁸. Печальная судьба постигла и идеологию общеславянского единства: вероятно, она прежде всего предназначалась для мобилизации славян — подданных Австро-Венгрии, однако внутри России она вызвала серьезные разногласия ввиду польского вопроса и весьма неровных отношений с Сербией. Окончательный же удар по этой идее был нанесен осенью 1915 г., когда Болгария выступила на стороне Германии.

Во-вторых, необходимо остановиться на образе врага. В 1914–1916 гг. немцы представлялись в качестве смертельных врагов русских.

Ключевым стал посыл, будто германцы, первыми напав на Россию, угрожают ее существованию как государства, что с точки зрения пропаганды оказалось эффективным шагом (ибо повышало значимость войны). Одновременно создавался образ России как «Святой Руси», истинно христианского государства, которое не могло проиграть уже ввиду своего морального превосходства над «бездушным» противником. Однако первые поражения показали, что созданный идеал расходится с реальной практикой: «Святая Русь» проигрывает «приспешникам сатаны» (если говорить в религиозных метафорах того времени). Появилась необходимость в адекватных объяснениях неудач. Ответ был найден в раскручивании германофобии и шпиономании, а также в поиске внутренних предателей (поскольку отказ от завышенной самооценки был невозможен). Таким образом, ненависть к немцам «внешним» перекинулась на «внутренних»: предателя стали видеть в любом носителе немецкой фамилии. Примордиалистское восприятие этнической принадлежности (в рамках концептуальной метафоры *этничность есть естественное свойство человека*) сыграло отрицательную роль. Типичный образчик мышления того времени демонстрирует монархист Л.А. Тихомиров: «А мы, т.е. Россия, вдобавок переполнены немцами в правительственных сферах, армии, во всех функциях страны. Кто из этих немцев не изменник, если не явный, то в глубине души?»⁹.

Логика в раскручивании германофобских настроений все же была, поскольку носители архаичного сознания легче всего воспринимают объяснения неудач, которые указывают на действия неких «тайных враждебных сил». Более того, для некоторых кругов шпиономания стала эффективным инструментом борьбы с соперниками как в политике, так и в экономике¹⁰, однако в реальности оказалось, что сами властные круги в глазах общества и народа превратились в этих «внутренних врагов».

Германофобия и шпиономания, стимулируемые ростом этнического национализма, дискредитировали многих представителей офицерского корпуса и царского правительства, носивших немецкие фамилии. Показная русификация (обер-прокурор Синода Саблер стал Десятковским; министр внутренних дел Штюрмер взял материнскую фамилию Панин) не решила проблему. Начатые же в 1915 г. судебные процессы об измене полковника Мясоедова и военного министра

Сухомлинова (с вынесением смертного приговора первому) лишь подтвердили слухи о предателях в верхах¹¹. Недоумение по этому поводу ярко высказал английский министр иностранных дел Э. Грей: «Но и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра»¹².

К тому же общественное мнение не обошло вниманием и тот факт, что сама императрица Александра Федоровна была немецкой принцессой. Ее обвинили в предательстве (хотя сама она считала себя англичанкой и недолго любила Германию). А летом 1915 г. после принятия Николаем II поста Верховного Главнокомандующего по Москве пополз слух, что император специально идет на фронт с наследником, чтобы сдаться в плен и заключить сепаратный мир¹³. Князь В.А. Друцкой-Соколинский, минский губернатор, приезжавший в Петроград в конце 1916 г., писал в мемуарах: «Помню, что, будучи у П.П. Стремоухова, моего старого знакомого и друга, я спросил его о настроениях “сфер”, о настроении общества и настроении вообще. Мне было отвечено с указанием на портрет Императрицы Александры Федоровны “Эта дрянь нас всех погубит!”. С грустью я должен был ответить, что и в провинции в этом отношении нельзя услышать другое мнение»¹⁴.

Ситуация же с Распутиным лишь усугубляла положение. Слухи, ходившие о нем и об императорской чете, подрывали доверие к монархии в целом¹⁵. В общественном и народном сознании вырисовывалась картина, что императрица ловко манипулирует императором, а она, в свою очередь, находится под влиянием тобольского старца. Неудивительно, что 3 февраля 1917 г. рабочие Путиловского завода кричали: «Долой самодержавную власть, так как государь не знает, кто правит страной и ее продает...»¹⁶.

В итоге, к концу 1916 г. императорская семья была полностью дискредитирована, она стала «средоточием зла», с которым невозможно идти на компромисс. Примером может послужить С. Есенин, который, благодаря связям, сумел уклониться от службы на фронте и попал в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143, находившийся под патронажем императрицы Александры Федоровны. Летом 1916 г. он был представлен ей в Царскосельском дворце и решил посвятить государыне цикл стихов. До наших дней дошли некоторые пробные отти-

ски сборника «Голубень» с посвящением венценосной особе. Когда же о подобной близости ко двору стало известно широкой публике, то, как писала исследовательница творчества поэта Т.Г. Буруковская, «возмущение вчерашним любимцем было огромно. Оно принимало порой комические формы. Так, С.И. Чацкина, очень богатая и еще более передовая дама, всерьез называвшая издаваемый ею журнал “Северные записки” “тараном искусства по царизму”, на пышном приеме в своей гостеприимной квартире истерически рвала рукописи и письма Есенина, визжа “Отогрели змею! Новый Распутин! Второй Протопопов!”. Тщетно ее более сдержанный супруг Я.Л. Сакер уговаривал разошедшуюся меценатку не портить здоровья “из-за кого-то ренегата”»¹⁷.

Третий блок ошибок связан с осмыслением войны как «освобождения». Изначально речь велась об освобождении братских славянских народов от немецкого влияния, а русского народа — от «пресловутого немецкого засилия». Однако публицисты шли дальше, подразумевая освобождение от прежнего порядка вещей, полное социально-политическое и духовное обновление. И поскольку эта война считалась самой ужасной за всю историю человечества, то участие в ней могло оправдываться лишь некоей великой целью. Ожидание важных, коренных и неизбежных перемен — лейтмотив публицистики военного времени. Симптоматично, что даже первый номер правых «Московских ведомостей» за 1915 г. вышел с подобным призывом: «Мы переживаем великое время, и мы должны быть достойны этого величия, мы должны стать наравне со своим веком. Именно теперь решаются грядущие судьбы России; наша пора — это пора великого и святого таинства обновления русского народа...»¹⁸. Таким образом, сначала царская власть на символическом уровне сама повысила значимость настоящей войны, а затем спровоцировала в обществе завышенные ожидания, которые по объективным причинам сама не могла оправдать.

Идеи освобождения во многом воспроизводились оппозиционными кругами, которые выстраивали собственные смыслы ведения войны (хотя это и способствовало успеху военной пропаганды). Однако даже вне этого контекста идея об освобождении имплицитно подразумевает, что корень проблем заключается в чем-то чуждом обществу и временном по сущности; достаточно избавиться от него (восстановить правильный, естественный порядок жизни), чтобы изменить ситуацию

к лучшему. Отсюда — готовность искать легкие решения, сваливать всю вину за неудачи на правительство и вражеских шпионов. Неудивительно, что уже в конце 1915 г. появился фельетон за подписью Сергея Рунина, где освобождение стало фактически синонимом требования политических реформ¹⁹. В этом контексте неудивителен и логический итог: в феврале 1917 г. по Петрограду распространилась поговорка «Чтобы спасти монархию, надо убить монарха»²⁰.

Четвертая группа ошибок связана со слабым образом монарха в официальной пропаганде. Этот аспект был прекрасно разобран Б.И. Колоницким²¹ и не требует подробного воспроизведения в данной статье. Отметим лишь следующее: с первых недель война интерпретировалась в рамках концептуальной метафоры «народной войны», которая подразумевала, что ведется она *народом* (именно он основной участник, несущий всю тяжесть) в его личных интересах. Но в таком случае на символическом уровне царская власть должна была также показать и убедить, что она находится вместе с народом и ведет его к победе. В первый год войны яркий образ Верховного Главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича (национальный герой и вождь, защитник простых солдат, строгий командир, не дающий спуска «трусливым и продажным генералам») выполнял именно эту функцию: он преодолевал дистанцию между верхами и низами и тем самым способствовал сохранению престижа династии. Даже поражения лета 1915 г. не разрушили веру в «Верховного вождя». В результате в глазах общественно-го и народного мнения он стал более сильной и популярной фигурой, нежели император, а некоторые оппозиционные круги даже говорили о возведении его на престол. Видимо именно это заставило Николая II в конце августа 1915 г. принять на себя Верховное Главнокомандование, однако тем самым он совершил серьезную политическую ошибку. В «почетную отставку» на второстепенный Кавказский фронт отправлялся не просто член императорской фамилии — разрушался тот образ «Верховного вождя», который свидетельствовал, что представители императорского дома ведут армию к итоговой победе. Образ Николай II не сумел (да и не мог) на тот момент выполнить эту функцию по объективным причинам.

И наконец, стоит указать на явные ошибки в способе описания боевых действий (пятая группа). Конечно, военная цензура запреща-

ла публиковать львиную долю информации, чтобы военные секреты не стали по воле случая достоянием гласности (как это часто происходило в годы Русско-японской войны)²². Естественно, что наши победы всячески приукрашивались, а поражения ретушировались. Однако итоговый эффект оказался плачевным. Раздутые победы снижали веру в подобные материалы в будущем, а недосказанность порождала слухи, в которые начинали верить больше, нежели в правительственные сообщения. Так, например, после разгрома 2-й русской армии А.В. Самсонова в Танненбергском сражении (26–31 августа 1914 г.) в разных газетах были напечатаны статьи, где эти события старательно заретушировали. Упоминалась только гибель некоторых генералов в одном из сражений. Однако эффект оказался противоположным: ввиду факта гибели начальствующих лиц отсутствие исчерпывающего объяснения привело к появлению слухов о крупной катастрофе²³. В 1916 г. А.Д. Шеманский вообще пытался доказать, что наши потери не могли составить более 100 000 человек (можно представить, насколько сильно слухи преувеличивали поражение)²⁴, хотя впоследствии историки говорили о намного меньших цифрах²⁵.

Обратной стороной систематических умалчиваний явилось представление в печати реальности лучше, нежели она есть на самом деле. Например, уже с осени 1914 г. начались первые перебои со снабжением боеприпасами, однако параллельно пресса продолжала писать о мощи и силе нашей артиллерии. Расхождение повседневной практики с ее отражением в газетах и популярных брошюрах сказывалось на доверии к этим изданиям и вообще официальной информации, а тем самым власть лишалась мощного рычага воздействия на массы, которые скорее доверяли разнообразным слухам. Нелепость возникшей ситуации понимали и некоторые военные. Например, командующий 1-й армией генерал П.К. фон Ренненкамф в октябре 1914 г. писал в одном из докладов: «В статьях нашей повременной печати, касающихся описания хода военных действий или же описания отдельных боевых эпизодов, за последнее время начали появляться существенные отклонения от действительности, в сторону придания нашим делам оттенка какой-то исключительной удали <...> проникнув в Армии, они естественно способны зародить сомнение даже к сообщениям безусловной верности...»²⁶.

Нужно признать: технологий влияния на символическое пространство, адекватных существовавшему социуму, тогда еще не было. Конечно, никакая политика не бывает безупречной, однако важны не столько сами негативные последствия, сколько неумение их нейтрализовать. Вместо умелой интерпретации власти пользовались старыми методами цензуры и полулжи. На ходившие слухи (возможно, даже специально пускаемые врагами режима) не удалось найти достойного ответа, а повторение на официальном уровне одних и тех же заученных формул не могло спасти положение. Борьба же с предельно упрощенным миропониманием было поздно, а именно оно подталкивало к поиску простейших ответов, тем самым направив народное и общественное око против неких внутренних врагов. Этому способствовали официально взращенные шпиономания и антигерманизм. Причем на фоне представления Первой мировой как эпохального конфликта росла цена предательства и простой ошибки. То, что могло сойти с рук в обычное время, в данной ситуации казалось непростительным. Поиск внутреннего врага к концу 1916 г. обернулся против самой официальной власти²⁷.

Царская власть не только не обладала сильной волей, но и — что важно для нас — не казалась таковой. Квинтэссенцией доминирующих общественных настроений стала известная речь П.Н. Милюкова, где рефреном звучал риторический вопрос: «Глупость или измена?». Примечательно, что даже монархист Л.А. Тихомиров был склонен к подобной оценке власти, оставив в ноябре 1916 г. в дневнике следующую запись: «Я постоянно колеблюсь: идиоты? Изменники? Или смесь того и другого?»²⁸.

Примечания

1. Здесь и далее делается типичное для того времени разделение всего российского социума на две группы: народ (широкие массы крестьян и рабочих) и общество (включающее образованные слои, интеллигенцию, буржуазию, политическую элиту).
2. См., например: *Катков Г.* Февральская революция. М., 2006; *Семеновников В.П.* Политика Романовых накануне революции (От Антанты к Германии). По новым документам. М.; Л.: Госиздат, 1926; *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989; *Дякин В.С.* Кризис верхов накануне февральской революции // Вопросы

- истории. 1982. №3. С. 70–83; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
3. См., например: *Фуллер У.* Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 307.
  4. Подробнее о теории концептуальной метафоры и ее влиянии на интерпретацию действительности см.: *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
  5. Битва на реке Немане и разгром немецкой армии ген. Гинденбурга. М., 1915. С. 5.
  6. *Семчевский К.* Русская армия в романе Солженицына «Август четырнадцатого» // *Часовой.* 1972. № 552. С. 11.
  7. Цит. по: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923 // Электронный ресурс Lib.ru «Классика» // http://az.lib.ru/p/paleolog_m/text_0010.shtml (дата обращения: 1.11.2013).
  8. *Головин Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 418
  9. *Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917.* М., 2008. С. 71
  10. См.: *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000. С. 136–137.
  11. См.: *Фуллер У.* Указ. соч. С. 193–195; *Тарсаидзе А.* Четыре мифа о Первой мировой. М., 2007. С. 67–414; *Катков Г.* Указ. соч. С. 141–155.
  12. *Тарсаидзе А.* Указ. соч. С. 248.
  13. *Колоницкий Б.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 169.
  14. *Друцкой-Соколинский В.А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора 1914–1918. М., 2010. С. 192.
  15. См. например: *Таубе М.А.* «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 199; *Дневник Л.А. Тихомирова.* С. 329; *Курлов П.* Гибель императорской России. М., 2002. С. 191–206; *Друцкой-Соколинский В.А.* Указ. соч. С. 186.
  16. *Орлов И.Б.* Политическая культура России XX века. М., 2008. С. 108.
  17. *Буруковская Т.Г.* Ищу талисман. Калининград, 2003. С. 49.
  18. *Московские ведомости* // 1915. № 1. С. 1.
  19. См: *Рунин С.* Россия на распутье. Вып. 7. «Отклики». Пг., 1915. (Серия «Политический журнал. Фельетоны на важнейшие темы политического дня»).

20. *Колоницкий Б.* Указ. соч. С. 195.
21. Там же.
22. См.: *Волковский Н.* История информационных войн. М., 2003. Т. 1. С. 422–450.
23. *Саянский Л.* Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера. М., 1915. С. 25–26.
24. *Шеманский А.Д.* Наступление русских в Восточную Пруссию // История великой войны. М., 1916. Т. 3. С. 143–156.
25. См.: *Храмов Ф.А.* Восточно-Прусская операция 1914 г. (Оперативно-стратегический очерк). М.: Воениздат, 1940. С. 70–72.
26. РГВИА. Ф. 2106. Оп. 1. Д. 156. Л. 155.
27. *Таубе М.* Указ. соч. С. 199.
28. Дневник Л.А. Тихомирова. С. 305.

Д.А. Клочков

Облик солдата Российской императорской армии периода Первой мировой войны. Мифы и реальность

В течение всего советского периода во многих исторических исследованиях образ Первой мировой войны — «империалистической», как ее обычно называли в пропагандистских штампах, — часто был связан с общей отсталостью и слабой технической оснащённостью Российской армии как следствием недальновидной царской политики и неразвитой экономики. Хочется на основании выявленных данных и воспоминаний участников войны развеять основные постулаты этих во многом идеологических и не основанных на фактах мифов, а также попутно показать, что представлял собой солдат российской армии на протяжении всей войны.

Как известно, российская армия была отобилизована в кратчайшие сроки и уже в августе 1914 г. начала наступательные операции. Проведение мобилизации потребовало напряжения всех служб и ведомств и в целом было положительно оценено Николаем II, который